

Асафов

Имя Асаф упоминается в Библии несколько раз. Самый значительный, по-видимому, был Асаф сын Берехии из колена Леви, один из песнопевцев в Иерусалимском Храме, авторству которого приписывают двенадцать псалмов.

Интернетный Телефонный Справочник по Израилю выдает телефоны пятидесяти двух человек с фамилией Асафов.

В начале Июля 1970 года, сдав сессию за четвертый курс Мехмата МГУ, я с группой товарищей по учебе направлялся в Баку, «в лагерь» - так назывался месяц военной подготовки студентов в настоящей армейской части, в завершение четырехлетнего военного обучения на военной кафедре Университета. Этот месяц лишил нас большей части последних, перед пятым завершающим учебу годом, каникул. В августе, вернувшись в Москву, надо было еще подготовиться и пройти заключительный «государственный» экзамен по этому самому военному делу. Отцы факультета позаботились, чтобы в последний год учебы «Военное дело» не мешало нашим занятиям, включавшим помимо курсов и семинаров, защиту Дипломной работы и сдачу Государственных экзаменов по двум предметам - математике и марксистско - ленинскому учению. Так вот, утром одного из дней в начале июля я с группой студентов погрузились в «общий» вагон поезда уходящего с Казанского вокзала по маршруту Москва - Баку. Поезду предстояло в течение двух суток пересечь большую часть Центральной России и Северного Кавказа и завершить маршрут в столице тогда еще союзного Азербайджана, на берегу Каспийского моря, по воде которого, по одной из версий, проходит невидимая граница между Европой и Азией. Наша группа, человек сорок, делилась на две подгруппы: примерно половина, должна была сойти, проехав две трети пути, в городе Армавир для прохождения скоростной воинской службы в летном училище этого города. Вторая половина, в которой был и я, должна была доехать до Баку и провести месяц на военной базе, которая оказалась чем то вроде командной части так называемого Бакинского округа ПВО (противо-воздушной обороны) - как нам рассказали потом - самого большого из пяти таких округов на территории СССР. Нас сопровождали два офицера в чине то ли майора, то ли подполковника «с кафедрами», т. е. интеллигенты, на общем фоне тогдашнего офицерского корпуса СССР.

Стремясь к бесклассовому обществу, в СССР неукоснительно сохраняли классовую систему железнодорожных вагонов. Типы вагонов и сопутствующих услуг, конечно, уже не называли «классами», но как и когда то, их было четыре. Как солдатам, а билеты были выданы и оплачены Министерством Обороны, нам полагался самый дешевый и безыскусный тип - так называемый «общий» вагон. Офицерам полагался более комфортный «купированный», или «купейный» вагон, поэтому они, проследив, что мы успешно влезли в вагон, и дав нам, как выяснилось, очень полезные указания, покинули нас. В течение всего пути мы уже почти их не видели - в дальнейшем объясню почему. Чтобы понять «полезные указания» нужно знать, что такое «общий вагон». Так вот «общий вагон» внешне не отличался от следующего за ним класса - «плацкартных», с той только разницей, что в плацкартном пассажирское место состояло из целой «полки» т. е. почти кровати, на которой можно было лежать, и оно было указано в билете. Полки были верхние и нижние. Две нижних и две верхних, со столиком возле окна между двумя нижними, составляли «купе» - открытое для прохода по всей длине вагона. У противоположного окна - по длине вагона были еще две полки - нижняя и верхняя - «боковые». В общем же вагоне билет без указания места, давал право сидеть на какой-либо из нижних полок - по три человека на полке, т. е. шесть человек в одном купе и еще два на боковой полке. Залезть и лежать на верхней, предоставив сидящим на нижних дополнительное пространство для колен и локтей, была не регламентируемая привилегия, основанная на коллективном согласии попутчиков.

Общий он же плацкартный вагон

Боковое место

Но это - теория, а нашим офицерам была известна и практика. Поэтому их указания были такими: время еще раннее, вагон будет пуст. Как только войдем - сразу занять все пять купе нам «положенных» (по восемь человек в купе), а после держать и охранять их только для своих, не давая усесться никому постороннему. И так двое суток. Они знали о чем говорили. Поезд был не «скорый», с частыми остановками, на которых народ входил и выходил, без всякой меры или контроля или соответствия с теоретической вместимостью вагона. Два «проводника» - работника железной дороги, приставленных следить за порядком и чистотой вагона - два жирных, небритых, бритоголовых, неопрятного вида азербайджанца - казалось воплощали собой самый дух благожелательной коррупции, которой в те времена особо отличался Советский Кавказ. Так что пускать за мзду безбилетных пассажиров проехать несколько попутных станций, по-видимому, само собой разумелось.

К моменту отправки поезда вагон был полон, но поначалу ребята более или менее успешно защищали занятые места. Через пару часов вагон уже был переполнен, защита занятых мест начала давать трещины. Тут оказалось, что переход из нашего «общего» вагона в другие, а наш был первым после локомотива и грузового, заперт, эффективно заслоняя более привилегированные «плацкартные», «купейные» и «мягкие», от нашего контингента. Там можно было лежать, получить за рубль чистую, хотя слегка сырую, постель а за четыре копейки - горячий чай в стаканах с подстаканниками. Таким образом мы оказались отрезанными от наших командиров во время пути, и они могли навещать нас только на остановках. Впрочем они этим не злоупотребляли.

Довольно быстро выяснилось, что немалая часть наших попутчиков была подвыпивши, и, не собираясь останавливаться на достигнутых степенях опьянения, продолжала добавлять, и соответственно украдкой поплевывать. О дезодорантах тогда еще не ведали, а душ или ванна для большинства были чем то вроде роскоши, доступной раз в неделю, в лучшем случае. Не забудем - июль, жара несносная. Таким образом через несколько часов пути, меня уже заботило не где присесть, а где и чем дышать. Решение нашлось скоро, благодаря благословенному бардаку. Оказалось, что в тамбуре в конце вагона, удаленном от купе проводников (а им полагалось отдельное полу купе в начале вагона), стекло окна выбито, т. е. отсутствует полностью. Так что стоя у этого окна, можно было дышать летящим, относительно чистым воздухом с примесью гари и духа путешествий, доносящихся от близкого к нашему вагону локомотива. Скоро выяснилось, что и это место доступа к воздуху нужно стеречь - как только ты оставлял его на минуту, оно тут же оказывалось занятым, каким-нибудь еще любителем подышать. К счастью другие любители

подышать не были большими любителями постоять, так что уловив тенденцию, я просто стал возле этого разбитого окна, и так простоял большую часть двухсуточного пути. К счастью в добавок к потоку воздуха эта позиция обеспечивала также и нескончаемый, стремительный и захватывающий поток зрительных впечатлений.

А поезд наш проходил по Центральной и Южной России, по Северному Кавказу, Дагестану и прикаспийскому Азербайджану - места, большинство из которых мне не довелось увидеть ни до ни после той незабываемой поездки.

Так что я был очень доволен таким удачным решением проблемы. Голые по локоть руки, которыми я опирался о край окна, сгорели на солнце - их кожа облупилась и слезла в течение нескольких дней по прибытии.

Наступил вечер, затем ночь - в темноте кроме освещенных перронов пронесшихся мимо станций, пристанционных построек и далеких огней не видно было ничего. Поздно ночью в Армавире, на пороге Северного Кавказа, сошла с поезда половина нашей группы. В темноте я нашел и примостился на небольшой свободной части какой-то полки и проспал час или два. Проснулся чуть после четырех часов утра - поезд стоял на какой-то станции. Встал, спросил у проводников - кроме меня, только они не спали - станция Минеральные Воды. Поеживаясь от утренней прохлады, вышел на перрон. Едва рассвело. Небо было чистое. В небе, оторванный от земли висел впервые созерцаемый мной - Кавказский Хребет. Через год, окончив университет, уже в Вильне я услышал по Би-Би-Си чтение глав только что вышедшего на Западе романа Солженицына «Август четырнадцатого». Роман начинался с рассказа о том, как один из его героев едет на повозке по направлению к той самой станции - Минеральные Воды, чтоб оттуда ехать в Москву, поступить в армию и воевать на Первой Мировой. И начинался рассказ как раз с описания Хребта. Точно такого, каким я увидел его зябким утром, сойдя на перрон:

Они выехали из станицы прозрачным зорным утром, когда при первом солнце весь Хребет, ярко белый и в синих углубинах, стоял доступно близкий, видный каждым своим изрезом, до того близкий, что человеку непривычному помнилось бы докатить к нему за два часа.

Высился он такой большой в мире малых людских вещей, такой нерукотворный в мире сделанных. За тысячи лет все люди, сколько жили, – доотказным раствором рук неси сюда и пухлыми грудами складывай всё сработанное ими или даже задуманное, – не поставили бы такого сверхмыслимого Хребта.

От станции до станции так вела их всё время дорога, что Хребет был прямо перед ними, к нему они ехали, его они видели: снеговые пространства, оголённые скальные выступы да тени угадываемых ущелий.

Но от получаса к получасу стал он снизу подтаивать, отделился от земли, уже не стоял, а висел в треть неба...

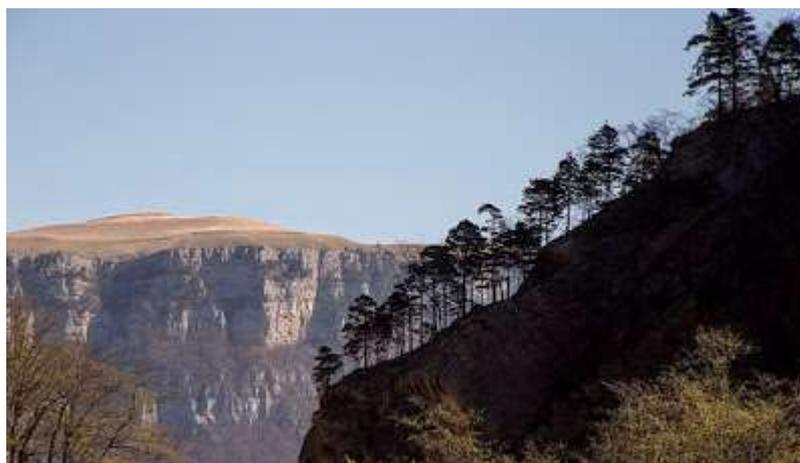
Тогда, слушая эти строки по запрещенной Би-Би-Си, и сравнивая их с тем, что сам увидел на перроне во время остановки поезда, я подумал, что наверно настанет время, когда школьники будут заучивать их наизусть, вместе с описанием дуба, увиденного князем Андреем в «Войне и мире».

Поезд тронулся. Я зашел в вагон. Пассажиры спали. В другом конце вагона, у столика напротив их полу купе сидели оба проводника - азербайджанца и щуплый паренек в белой куртке - по-видимому разносчик из вагона ресторана. Завязался разговор. Они знали, что я из группы московских студентов. Спросили москвич ли я. Нет, я харьковчанин. Слово за слово - последовал вопрос - а кто я по национальности - русский или украинец? Национальный вопрос стоял остро на Кавказе, но спрашивать прямо было неловко - «еврей» в Советском Союзе было стыдное слово. К тому времени мое национальное сознание было вполне определившимся, и ответ был наготове: «нет, я еврей». – Ка-акой молодец, не постеснялся сказать! - удивились проводники - Вот, этот тоже еврей - указали они на парнишку из вагона - ресторана. Про кавказских евреев я в то время ничего не знал, кроме того, что они не ашкеназы и на Йидиш не говорят. Ну, если не Йидиш, то наверно Иврит. А Иврит у меня к тому времени был скудный, но беглый - после того как я выучил наизусть обе части учебника «Элеф милим алеф». Сходу я обратился к парнишке на Иврите. Меня он не понял, но что это за язык - понял, и реакция его была восторженной. Увидев такую демонстрацию национализма, крамольного в СССР, оба проводника азербайджанца тоже пришли в восторг: ай, молодец! Немедленно меня одарили двумя привилегиями: одна - было предложение горячего и сладкого чая, в тут же на столике стоявшей побитой и на вид не особо чистой жестяной кружке. Эйдс, т. е. СПИД тогда еще не открыли, но мысль о сифилисе или дизентерии пронеслась в моей голове... Однако - noblesse oblige - и я, не колеблясь, поднял кружку и стал пить - чай был горячий и сладкий, очень кстати в то холодное утро и на голодный желудок. Вторая привилегия была еще лучше - мне был вручен ключ от «их туалета». Объясню: туалетов в вагоне два – по одному в каждом конце вагона. Так вот, туалет в дальнем конце был открыт для общего пользования, и в нем, разумеется, в конце первых суток была атомная война... Убирать там до конца пути проводникам, конечно, и в голову не приходило. Зато второй, ближний к ним туалет, они держали запертым для себя. Вот какую замечательную привилегию я заработал демонстрацией еврейского национализма перед сынами Кавказа.

Мы немного поговорили с парнем из вагона - ресторана. Его фамилия была Асафов, имени, к сожалению, не помню. О чем говорили уже не помню, наверно о евреях, Израиле и шансах туда попасть, но прежде, чем идти продолжать свой обход поезда, Асафов заставил меня пообещать, что как только появится такая возможность, я навещу его в его доме, в Баку. Записал адрес и телефон на клочке бумаги. - Мой дед был раввин, в доме полно еврейских книг, приходи, бери, что захочешь - сказал. Мы попрощались и он ушел. Пассажиры уже стали просыпаться, я пошел занимать свой пост у выбитого окна.

За окном степи Южной России сменялись равнинами и ущельями между гор Северного Кавказа и Дагестана. Виды и картины - чуждые и захватывающие. Так далеко от дома я еще никогда не бывал. Не только пейзаж, но и люди - их черты и выражения лиц, цвет кожи, одежда и язык, их скудный товар, предлагаемый на коротких остановках поезда - все было новое, незнакомое,

возбуждающее, любопытное... А горы, горы – ближние и дальние, и совсем дальние. Вбирая все это через выбитое окно спешащего поезда, я чувствовал себя путешественником, открывателем дальних стран.

И тут мои сокурсники, товарищи по группе - студенты самого престижного ВУЗ'а и факультета страны, цвет интеллектуального класса Советского Союза, доставили мне первое разочарование. Постепенно люди, которых я видел в окне начали появляться и в самом вагоне - пассажиры до

местных станций, а то и до городов - Грозного, Махачкалы, Баку. Мои товарищи снова принялись защищать от пришельцев завоеванные места. Проблема была еще и в том, что эти новые пассажиры часто просто не понимали по-русски. Это то больше всего и бесило наших москвичей. Особенно запомнилось как две высокие, худые, суровые старухи во всем черном, с головы до пят, попытались усесться на «наши» места. Эти по-видимому не понимали по-русски ни слова. Один из наших - он был не с моей кафедры, и я лишь пару раз слышал его разглагольствования - интеллигент... Убедившись, что старухи совсем не понимают его, он замахнулся на них, словно угрожая ударить. Они, мои товарищи, были действительно сердиты на этих старух за то что осмелились не знать Языка Империи. Через двадцать четыре года страшная кровавая война прокатится по этим местам, сотрясая остатки развалившейся Империи.

Под утро следующего дня мы прибыли в Баку и с вокзала на специальном автобусе - в часть. Там у нас забрали нашу гражданскую одежду и выдали рабочую военную форму. Местный офицер проинструктировал: неделю назад весь Бакинский воинский гарнизон перешел на новый образец летней формы - высокие ботинки с носками вместо сапог и портянок, прямые брюки, собранные у ботинок, рубашки с короткими рукавами и отложным воротником, заправленные в брюки и бейсболки - все на американский манер. Нам же, как временным гастролерам, жалко было выдавать такую замечательную форму, и поэтому мы получили старую: сапоги с портянками (первый урок их оборачивания был преподан тут же), брюки - галифе - под сапоги, гимнастерки навыпуск с широким армейским ремнем. Единственным экзотическим предметом этого обмундирования была летняя «южная» панама защитного цвета. В Израильской армии такие шапки называются «австралийскими». В форме этого образца, вне пределов нашей воинской части, вам можно появляться только группой в сопровождении офицера –продолжал инструктировать начальник - иначе, первый же патруль вас арестует.

Большую часть нашей короткой службы мы провели в благословенной кондиционированной атмосфере Вычислительного Центра, находившегося на территории базы, где мы весь месяц решали на компьютере «задачи», поставленные перед группами по четыре человека в каждой. Для меня это был первый в жизни опыт с кондиционированным помещением. Компьютер был устаревший, ламповый, в университете на нашу военную кафедру уже привезли более современный – полупроводниковый.

Была, конечно, положенная порция строевой и спортивной подготовки, чистки туалетов, дежурства на кухне, дежурства по охране. Кстати сказать, с охранного пункта, конечно не на воротах, а на высоком месте внутри базы, можно было в бинокль наблюдать за происходящим в прилегающем жилом квартале, а так же за двумя кладбищами - еврейским и мусульманским. Но самым главным для меня были выходы в город. Не считая походов в баню, их было ровно четыре:

Две поездки на автобусе в Дом Офицеров в центре города - один раз на репетицию церемонии принятия присяги и второй – совершить эту церемонию.

Поездка на полигон за городом - на стрельбы: каждый из нас выстрелил по три патрона, выданные с большими предосторожностями офицером на линии огня за несколько секунд до стрельбы.

И один раз - в выходной день - была экскурсия в город. О ней чуть позже расскажу подробней. При каждом выезде я жадно вбирал в себя через окна автобусов виды незнакомого, манящего восточного, хотя и советского города, но кроме того надеялся, что все-таки как-нибудь удастся оторваться от масс и встретить Асафова. Увы, это не получилось. Особенно было обидно за упущенную возможность во время неудачной экскурсии, уж если не встретить Асафова, то хоть чуть-чуть познакомиться с городом. Тогда то мои товарищи студенты доставили мне второе разочарование. Утром мы выехали в автобусе группой в сопровождении офицера, вышли в центре и пошли пешком. С самого начала мои товарищи по группе стали жаловаться и канючить. Ничто не вызывало у них интереса - ни экзотические чайные с медными подносами, несомыми на весу с

маленькими пузатыми стаканчиками, ни извилистые улочки с виднеющимися башнями минаретов, ни роскошный вид на море и порт из прекрасного цветущего парка.

Все их раздражало - жара, искаженный акцентом русский язык, а больше всего - то что продавцы газировки не торопились со сдачей с десяти или пятнадцати копеек. Все стали требовать прекратить экскурсию - чего мы здесь не видали - и вернуться в казарму.

К моему великому сожалению офицер их послушал, и мы вернулись в часть уже к полудню, почти ничего не рассмотрев в этом городе – замечательном, судя по тому немногому, что мне удалось увидеть и по тому, что услышал о нем впоследствии.

Кроме этих четырех поездок были еще четыре пеших похода в еженедельную баню - в строю, по узким едва мощеным улочкам мимо восточного вида глинобитных домов с глухими стенами, почти в темноте - таким ранним утром это происходило.

Упомяну еще, что в немногих лекциях, которые нам пришлось выслушать - про Воинский Устав, строение войск ПВО или карабина Семенова, в замечаниях офицеров инструкторов во время лекций и при неформальном общении с ними в курилках - «местах для курения», ощутимо присутствовал «Ближний Восток» и Израиль. Прошло только три года после Шестидневной Войны. Война на истощение, которую по мнению некоторых историков вел против Израиля СССР, а не арабы, продолжалась уже год и приближалась к прекращению огня - уже в следующем месяце. Запомнились замечания вроде того что «каждый пятый офицер ПВО из округа находится сейчас на Ближнем Востоке» и что «некоторые вернулись в гробах» или что «в армиях арабских стран офицеры бьют солдат». В общем чувствовалось сдержанно почтительное отношение к Израилю и сдержанно презрительное - к арабам.

Было много еще впечатлений от этой моей короткой службы в Советской Армии: от участия в выборах в Верховный Совет Азербайджанской Республики, от наблюдения за тем, как 18-летний ефрейтор командует своим взводом из двух солдат, от рассказа солдат о жизни в совхозе, от казарменного быта, от кормежки в солдатской столовой, от просмотра в казарме только что вышедшего на экраны «Белого солнца пустыни».

Закончился месяц, мы сменили одежду, и на бакинском вокзале ранним вечером, светло еще, погрузились в такой же общий вагон. Я вышел на платформу, погулять до отхода. Перрон был довольно пуст. Вдруг – навстречу мне появился Асафов - он только что приехал рейсом из Москвы: Где ж ты был? Па-ачему не пришел? Мы обнялись, я объяснил. Пошли, - сказал Асафов, приобняв меня за плечи подвел к киоску посредине перрона. Мигнул продавцу - немедленно появилась бутылка белого сладкого «крепленного» вина и несколько шоколадных конфет

«Каракум» .Разлил по большим граненым стаканам. Лехаим! Еще стакан - времени мало. Лехаим! Закусили шоколадом. Попрощались, обнялись. Поезд поехал, я заскочил в вагон, помахал рукой... Мне и в голову не пришло - оказалось, что за этой сценой с великим удивлением наблюдали из окон вагона все товарищи из нашей группы: Когда ты успел обзавестись здесь друзьями?

Сквозь пары опьянения, поднимающегося в голову от только что выпитого крепкого вина, я только загадочно улыбался.

Когда я приехал в Москву и встретился с друзьями - сионистами, то услышал от них две новости: одна была та, что получил разрешение на выезд в Израиль Марк Эльбаум - это был первый знакомый нам молодой парень из Москвы, получивший выездную визу, до него давали только старикам. Другая была - что возле аэропорта недалеко от Ленинграда арестована группа рижских и ленинградских евреев за попытку угнать самолет в Швецию чтоб уехать в Израиль.

Макаббим, сентябрь 2018